

РУСОЛОГИ, ПРИШЕДШИЕ С ХОЛОДА: КРИТИКА ОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СИБИРИ¹

ЗУЛЯР ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и отечественной истории
исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
e-mail: uazulyar@gmail.com

Рецензия на книгу американских экономистов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское бремя».

Ключевые слова: Сибирь; рентабельность; промышленность; индустриализация; ресурсы; урбанизация.

The article is a book review of «The Siberian burden» by American economists Fiona Hill and Clifford Gaddy.

Keywords: Siberia; profitability; industry; industrialization; resources; urbanization.

Коды классификатора JEL: B52, N30, Z13.

Чем больше времени проходит с момента радикальных политических трансформаций начала 1990 г., тем большее недоумение вызывают довольно скромные успехи российской экономики и напряженная социально-политическая ситуация в стране. Естественной реакцией на эти явления становится появление публицистических и научных работ отечественных и зарубежных авторов, которые ищут ответа и находят причины и виноватых. В ряду подобных исследований находится книга американских экономистов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское бремя» (Хилл и Гэдди 2007), которая на языке оригинала появилась в 2003 г., а три года назад была переведена на русский язык.

Книга весьма интересная — она легко читается, ее авторы рассматривают сложный клубок экономических, географических, климатических, экологических, исторических и политических аспектов освоения северных и азиатских территорий России. Категорически не соглашаясь с содержанием этой книги, должен отметить, что многим российским экономистам следовало бы поучиться у Ф. Хилл и К. Гэдди широте охвата проблемы и стилю изложения.

Авторы неоднократно пишут об отсутствии у них иной цели, кроме исследовательской, и об их желании помочь нашей стране избавиться от ошибок прошлого. Отдавая должное действительно большой и непростой исследовательской работе, выполненной авторами, рецензент хотел бы указать на многие моменты, противоречащие этим заявлениям.

¹ Автор статьи выражает благодарность Ю.В. Латову за помощь в редактировании статьи.

Ф. Хилл и К. Гэдди подняли такой массив проблем, что аргументированный, опирающийся на источниковую базу анализ их работы потребует написания встречной книги, где приведенные в книге факты и интерпретации парировались бы иными фактами и иной интерпретацией. Автор данных заметок ставит перед собой более скромную задачу — останавливаясь на наиболее спорных моментах, показать идейную ангажированность американских экономистов. Дело в том, что в этой книге удивительно сочетаются скрупулезность в доказывании относительно второстепенных положений и нелогичность основных выводов. Вряд ли авторы случайно совершали ошибки; скорее, ошибочным является сам их подход к анализу.

Работа начинается с пространного эпиграфа из Перси Шелли, смысл которого сводится к тому, что пески времени засыпают былые гордыни. И авторы на протяжении всей работы придерживаются этого лейтмотива, пытаясь доказать, что на протяжении XX в. русские тешили свою гордыню, осваивая труднодоступные северные и сибирские территории, но теперь природа взяла свое, все пошло прахом и следует признать это заблуждением. Кроме этой констатации, авторы книги дали ряд практических советов, как лучше провести «работу над ошибками».

Таким образом, монография Ф. Хилл и К. Гэдди не ведет читателя путем поиска истины и сомнений в правильности выводов. Она изначально провозглашается конкретный тезис, изложенный в эпиграфе, и затем делаются попытки с различных сторон его доказать. Справедливости ради, следует сказать, что Ф. Хилл и К. Гэдди периодически приходят к выводам, противоречащим их начальным постулатам. Однако главная их идея остается непоколебимой.

Ближе к концу книги, в разделе «Конец идеологии пространства» (Хилл и Гэдди 2007, 211), Ф. Хилл и К. Гэдди так сформулировали задачу своей работы: «Сибирь, как мы попытались доказать в своих рассуждениях [курсив мой — Ю.З.] о недостатках размера территории и стоимости холода, перенаселена для своей экономики. Ее жители почти целиком и полностью расселены не там, где надо. К тому же Сибирь освоена скорее неправильно, чем недостаточно. Население Сибири надо уменьшить, а не заполнять ее снова людьми. Основной проблемой остается прошлое и существующее мнение россиян об отношениях своего государства к его территории». Одним словом, в России все плохо и все не так.

В последнем абзаце своей книги Ф. Хилл и К. Гэдди объединили воедино три своих основных (и весьма спорных!) вывода-заявления: «В настоящее время освоение ресурсов Сибири обходится слишком дорого. Предприятия вне топливно-энергетического сектора не способны получать прибыль, достаточную для того, чтобы платить высокие зарплаты, привлекающие новых работников или удерживающие наличную рабочую силу. Вместо этого людей удерживают с помощью административных, нерыночных механизмов, не предоставляя им возможность уехать. Сибирь, по существу, «держится» за счет сохранения системы ГУЛАГа в ее смягченной форме, которая сначала заставляла людей отправляться на работу в Сибирь, а затем насильно их там удерживала» (Хилл и Гэдди 2007, 240).

В более полном изложении основные идеи авторов книги таковы:

- 1) освоение Сибири (шире — восточных и северных областей России) не рентабельно из-за холодного климата и дальних расстояний;
- 2) размещение промышленных предприятий и крупных городов в Сибири является экономически не рациональным;
- 3) заселение Сибири осуществлялось большевиками на основе в основном внешнеэкономических (насиленно-принудительных) методов;

- 4) для повышения благосостояния России надо принять меры к «обезлюживанию» Сибири (вплоть до централизованной организации переселения сибиряков на юг);
- 5) дальнейшее развитие Сибири целесообразно осуществлять либо по образцу Канады (вахтовым методом), либо вообще передать ее под контроль международных организаций (типа ООН).

Рассмотрим, насколько обоснованы эти идеи авторов «Сибирского бремени».

Идея № 1: холод и дальние расстояния — причина нерентабельности Сибири

Главной причиной нерентабельности Сибири Ф. Хилл и К. Гэдди считают холод. Третья глава «Сколько стоит холод?» целиком посвящена последствиям неблагоприятного влияния холодов на эффективность экономики Сибири.

«Зима и снег — вот в чем российская исключительность, что прослеживается в стихах и романах, находит свое отражение на знаменитых палехских шкатулках — с фигурами людей, укутанными в меха, в санях, запряженных тройками лошадей, с необъятными заснеженными березовыми и сосновыми лесами и с приземистыми деревянными избами, где главное — печь, спасающая от стужи. Слово *Россия* ассоциируется в воображении иностранного обывателя с Сибирью, вечной мерзлотой и водкой, согревающей тело и поднимающей дух в долгую зимнюю ночь» (Хилл и Гэдди 2007, 40). Несколько дальше авторы книги упоминают гибель именно от русского холода армий Наполеона и Гитлера. Отдадим авторам должное: при перечислении «снежно-холодных» стереотипов о России они смогли удержаться от указаний на белых медведей, бегающих по улицам сибирских городов.

Для анализа влияния холода на условия жизнедеятельности авторы «Сибирского бремени» предложили оригинальный показатель — температура на душу населения (ТНД). Если в США этот показатель составляет примерно 1° С, то в Канаде начала 1930-х гг. — около -10° С, в России 1920-х гг. — примерно 11,5° С. Если «российская ТДН в советские времена постоянно снижалась и понизилась на целый градус к 1989 г.», то «канадская ТДН за тот же период возросла более чем на градус» (Хилл и Гэдди 2007, 51). Дальше идет много-много цифр об «уникальных сибирских морозах» и о том, как трудно на таком холоде работать и просто жить.

На наш взгляд, обилие цифр, приводимых американскими экономистами, не приносит ничего нового в общеизвестный факт, что Сибирь имеет холодный климат. (А кто в этом сомневается?) Настолько же известны недостатки избыточно жаркого, засушливого или влажного климата, последствий землетрясений, регулярных цунами и тайфунов, обрушивающихся на океанские побережья и затапливающих целые города (даже в США). Эта проблема давно известна, имеется достаточное количество технологий, минимизирующих негативные последствия морозов. Вся история цивилизации — это борьба человечества с расстоянием и временем, и человечество справляется с этими проблемами все более успешно. В связи с истощением легкодоступных ресурсов уходить за ними приходится не только в северные районы, но и под землю, на воду и под нее. Ведь бурение шельфов — ничуть не дешевле, чем добыча нефти в тайге и тундре.

Важен не холод сам по себе, а баланс между стоимостью и себестоимостью производимой на морозе продукции. Если он положителен, то длинные сопоставления теплой Америки и холодной Сибири бьют мимо цели. Ведь, скажем, несмотря на все холода, Норильск запредельно рентабелен, и его ликвидация ничего, кроме проблем и убытков, стране и населению не принесет. Там работают частные высокоприбыльные

компании, желающих жить и работать там предостаточно, и это далеко не единственный пример. Совокупная производительность труда жителей холодного Севера многократно выше тех же показателей на теплом Северном Кавказе.

Еще одной постоянно рассматриваемой Ф. Хилл и К. Гэдди темой является проблема удаленности крупных сибирских центров от рынков потребителей их продукции, что тоже очень осложняет условия жизни сибиряков. Так ли это на самом деле?

Большинство крупных сибирских и дальневосточных центров расположены на железнодорожных, водных и трубопроводных коммуникациях, позволяющих без особых затрат доставлять продукцию своим недалеко расположенным зарубежным партнерам (в государства Средней Азии, Китай, Корею и Японию). Это расстояние значительно меньше тех, по которым они снабжаются из других районов мира. Постоянно происходящие количественные и качественные изменения транспортных коммуникаций объективно сокращают сроки и стоимость экспорта из Сибири и Дальнего Востока.

Кроме того, целесообразным ответом расстояниям является снижение в экспорте доли сырья и необработанных материалов. Современные деревообрабатывающие производства, изготовление профилей из алюминия, выработка электроэнергии и т. п. — все эти производства и технологии малолюдны и мало зависят от климатических условий. Тем более что лесозаготовки в зимних условиях в Сибири и на Дальнем Востоке не менее эффективны, чем летние, скорее даже наоборот (твердые дороги, отсутствие комаров).

С чем, безусловно, можно согласиться, так это с утверждением об отсутствии широких экономических связей между крупными сибирскими городами (Хилл и Гэдди 2007, 37). Здесь основной причиной является современная социально-политическая реальность, когда все властные и финансовые коммуникации идут через Москву. Но причиной этого недостатка являются вовсе не суровые климатические условия и большие расстояния, а традиционная для России имперская политика Центра. Налоговая политика выстроена так, что свободные ресурсы, дотации и инвестиции находятся только в Центре, а все остальные регионы выступают в виде просителей. Все это, увы, не способствует организации региональных бизнес-коммуникаций. Но в таком положении находятся не только северные, но и южные, теплые регионы России.

Идея № 2: размещение промышленности и крупных городов в Сибири экономически не рационально

Главной идеей авторов «Сибирского бремени» является утверждение о нерациональности размещения промышленности в Сибири. Так, на стр. 14 авторы пишут, что «с точки зрения современных приоритетов рыночной экономики, ретроспектива российской истории показывает, что превалирующей характерной чертой советского периода было *нерациональное распределение ресурсов*. Ресурсы (в том числе и ресурсы рабочей силы) с точки зрения экономической эффективности использовались неправильно. Система выдавала не те изделия. Ее предприятия изготавливали их не так, как это следовало бы делать. Она обучала людей не тем навыкам... Хуже всего было то, что Госплан размещал предприятия и людей не в тех местах. Для страны с такой обширной территорией, особенно в отдаленных и холодных местах...».

Действительно, правительство СССР размещало ресурсодобывающие производства там, где имелась сырьевая база, а она в нашей стране в основном, так уж получилось, расположена именно в климатически суровых регионах. Другими (но вряд ли доминирующими) резонами являлись военно-стратегические интересы, которые ни в одной, даже самой рыночной стране, не рассматриваются *только* с точки зрения рыночной целесообразности.

Ответственность за неправильное размещение промышленности Ф. Хилл и К. Гэдди возложили на во всем виноватых большевиков. Они пишут: «Именно большевики, а не цари, сформировали современную российскую экономическую географию. Там, в Сибири, где при монархии строились крепости, селения и небольшие города, советская власть стала создавать города-гиганты с численностью жителей свыше миллиона человек» (*Хилл и Гэдди 2007, 15*).

Надо четко понимать, что этапом индустриализации для России явился XX в., и кто бы не был у власти (хоть царь, хоть большевики), ему бы все равно пришлось осваивать северные и сибирские ресурсы для промышленности. Кстати, в северных и сибирских регионах при советской власти существовало только шесть городов-миллионников: Екатеринбург, Челябинск, Омск, Новосибирск, Уфа и Пермь. Для 220-миллионной страны — это капля в море. К тому же они являлись центрами соответствующих регионов, что дополнительно стимулировало их развитие. Они есть результат действия вполне объективных процессов, а вовсе не политических химер.

Раздел под названием «Сибирская промышленная утопия» начинается со следующего тезиса: «Мотивация развития специфических отраслей промышленности и расположения городов в Сибири и на Дальнем Востоке до сих пор остается по большей части загадкой; но рациональность, которую можно почерпнуть из советской документации по планированию, позволяет предположить, что было задействовано множество факторов. СССР стремился осваивать территорию и заселять ее людьми не потому, что это была Сибирь, а потому, что там имелись ресурсы: нефть, газ, алмазы, золото и другие ценные металлы» (*Хилл и Гэдди 2007, 107*).

Ничего загадочного в схеме размещения населенных пунктов в Сибири никто еще до сих пор не увидел. Любопытно, что авторы «Сибирского бремени» буквально в этом же предложении отвечают на свой «чрезвычайно сложный вопрос». Неужели есть исследователи, полагающие, что Сибирь была заселена потому, что она была Сибирью? Слово это, что ли, какое-то магическое? И что утопического в до сих пор относительно эффективно работающей (и даже набирающей обороты) сибирской промышленности? Я как сибиряк никаких утопий не вижу. Сибирская промышленность выжила в постсоветский период, на мой взгляд, не *благодаря*, а *вопреки* руководству страны, проводившему тогда действительно весьма утопическую политику. Только политика эта была направлена не на поддержку промышленности, а скорее наоборот.

Полным откровением для автора рецензии, более 10 лет преподававшего историю КПСС, стало следующее высказывание: «Одним из самых курьезных идеологических обоснований промышленного планирования в Сибири была так называемая «доктрина Энгельса», согласно которой крупномасштабная промышленность должна быть «свободна от пространственных ограничений» и равномерно распределена по всей стране (*Хилл и Гэдди 2007, 108*). Развитие Сибири по Энгельсу — это нечто! Авторы «Сибирского бремени», похоже, всерьез считают, что советские руководители знали наизусть «Анти-Дюринг» (именно там есть слова Энгельса о размещении промышленности) и последовательно реализовывали каждую букву учения основоположников марксизма. На самом деле после «творческого развития» марксизма Лениным и Сталиным высказывания классиков использовались в СССР в основном в пропагандистских целях. Руководство страны руководствовалось собственными доктринами, под которыми Маркс и Энгельс, можно предположить, вряд ли бы подписались.

Автор книги постоянно муссируют идею ошибочности индустриализации Сибири. В частности, в конце раздела с полемическим названием «Грандиозная ошибка», они пишут: «То, что попытка индустриализации Сибири была огромной ошибкой, не вызывает сомнений, если принять все сказанное по поводу уникального набора про-

блем, связанных с российскими размерами и холодом...» (Хилл и Гэдди 2007, 114). У кого не вызывает сомнений? Авторы «Сибирского бремени» можно понять так, что Сибирь должна была остаться землей редких аборигенов и диких зверей. Кто бы от этого выиграл? Уж точно не Россия! Ведь хорошо известно, скажем, как вольно браконьерствовали и спаивали местное население Дальнего Востока в конце XIX — начале XX вв. американские промышленники, как дошли до Иркутска японские войска в 1918 г. Кто бы их остановил, будь Сибирь дикой территорией?

Справедливости ради, нельзя не согласиться с выводом авторов книги о том, что «правильной реакцией на это [на тяжелые условия труда] было бы применение технологий, позволяющих радикально сократить количество рабочих. Советские плановые структуры пошли другим путем. Они стремились сохранить сталинские методы массового притока дешевой рабочей силы и примитивнейшие технологии, чего невозможно добиться без принуждения» (Хилл и Гэдди 2007, 116). Но использование неверных технологий, не отменяет главного — индустриализация Сибири была нужна стране и мировой экономике, ведь сейчас невозможно представить отечественное и мировое хозяйство без сибирских ресурсов. Поэтому, учтя ошибки прошлого, следует осуществлять не деиндустриализацию, а реиндустриализацию Сибири на основе передовых малолюдных, ресурсо- и энерго- малопотребляющих технологий. К тому же удорожание добычи природных ископаемых происходит по всему миру, поэтому борьба с холодом становится все более малой проблемой (в сравнении с иными проблемами, гораздо более важными).

В своей книге Ф. Хилл и К. Гэдди находят, казалось бы, оригинальный ход — ставят под сомнение ценность Сибири, как источника природных ресурсов. Они пишут: «Теперь несколько слов еще об одной нестареющей идее — о Сибири как сокровищнице России. Российская пресса еще полнится статьями, превозносящими значение стимулирования эволюции российской экономики за счет использования ресурсов Сибири и Севера — нефти, газа, угля, драгоценных металлов, меди, гидроэлектрического потенциала и так далее. Сопротивление развенчанию особой значимости Сибири и Севера происходит из-за значения, которое имеют разработка природных ресурсов и обнаружение новых нефтяных и газовых месторождений» (Хилл и Гэдди 2007, 195). Вот так, правильно развенчать эту вредную идею, но неправильные россияне сопротивляются ее развенчанию.

В связи с критикой авторами индустриализации Сибири совершенно непонятно, почему сейчас множество стран с вожделением взирают на Арктику: там еще ничего толком не обнаружено, но политические и научные процессы начались, в т. ч. и в США. Хотя в Арктике принципиально холоднее, чем в Сибири, да и земли там вообще нет. Очевидно, лидеры тех стран, которые планируют осваивать арктические шельфы, не знают об открытиях авторов «Сибирского бремени», что если холодно, то это убыточно. Ну, просто удивительно недалёковидные эти государственные лидеры! Есть прямой резон заказать Ф. Хилл и К. Гэдди написать книгу «Бремя Аляски».

Оказывается, Сибирь не только не представляет интереса для современной России как кладовая полезных ископаемых, но и мысли о ней в стране совершенно неправильные. «Если российское самосознание продолжит ассоциировать себя со своей бескрайней территорией и Сибирью и искать там свои корни, России будет трудно двигаться вперед. Ключевым моментом является преобразование психологическое — преобразование России фантазии в Россию реальности, снос «потемкинской» России и преобразование России в нечто реальное» (Хилл и Гэдди 2007, 224). Давно не встречал я чудачков, ищущих в Сибири российские корни, но авторам они, очевидно, встречались. Правда, не следует забывать, что еще новгородские купцы во времена Киевской

Руси осваивали северные территории, и что русские начали присоединять Сибирь одновременно с формированием Московского царства первым русским царем. Зачем же русским предлагают стать «Иванами, родства не помнящими»?

Постоянно умалчивается, что Сибирь является огромным рынком для отечественной промышленности и сельского хозяйства, расположенных в европейской части страны. Уничтожение этого рынка вряд ли укрепит экономику страны, а лишь увеличит армию безработных (особенно, если к ним еще подвезти народа из Сибири).

Ф. Хилл и К. Гэдди весьма критически относятся к перспективам кибернетического перевооружения региона — к превращению «Сибири в «Ки-бирь» (Хилл и Гэдди 2007, 158). Не будем в данном случае с ними спорить (хотя превратить если не Сибирь, то хотя бы Новосибирский академгородок в «Кремневую долину» вполне возможно). Речь идет о другом: зачем это самой Сибири? Мировая специализация в рамках международного разделения труда имеет место быть, и в ней у Сибири есть свое уникальное место, которое никакой другой регион занять не в состоянии. Сибири следует развиваться в природой данным направлении на основе передовых технологий, а не специализироваться на создании этих технологий.

Большое внимание авторы книги уделяют проблеме соотношения плотности населения и роли больших городов (особенно в главе 2). Сравнивая американскую и российскую структуру городских поселений, авторы демонстрируют, что и мегаполисов в России меньше, и сами они меньше. Причина — холодный климат, из-за которого растут издержки строительства. Отсюда следует совет — ориентировать политику России на создание мегаполисов в южных районах страны. При этом в качестве рецепта предлагается ликвидировать крупные города в Сибири и создать их в теплых районах страны.

Возникает вопрос: зачем ликвидировать крупные города в Сибири, если именно они наиболее успешны и численность их населения в трудные постсоветские годы либо сократилась незначительно, либо сохранилась и даже увеличилась?

Ф. Хилл и К. Гэдди установили планку урбанизационной целесообразности в миллион человек, подчеркивая, что таких городов в России недостаточно. Для России при сокращающемся населении создавать города-миллионники — крайне сложная задача. Вместе с тем, в мире и в нашей стране имеется положительный опыт функционирования городских агломераций, которые в значительной степени совмещают в себе достоинства мегаполиса и небольших городов. В частности таким примером является г. н. «Черембайк», где вдоль Транссиба и федеральной дороги «Московский тракт», идущих параллельно, на расстоянии порядка 200 км проживает 1,5 млн человек. Понятие «удаленность» — относительно, оно зависит от обеспеченности скоростным и всепогодным транспортом. Такая агломерация позволяет не только предоставить разнообразные и в достаточном количестве рабочие места, но и организовать зеленые зоны и аграрные предприятия, обеспечивающие население продовольствием.

Существование в Сибири крупных городов является большим вопросом для авторов книги. Говоря об ошибочности курса советского руководства на послевоенное форсированное строительство сибирских городов, Ф. Хилл и К. Гэдди приводят на с. 88 таблицу, свидетельствующую о росте их населения до конца советского периода. Но уже на следующей странице они заявляют: «Это были те самые города, чей рост завершился к 1970-м годам», настаивая на своем тезисе о ненужности и неподъемности развития урбанизационной сети в Сибири. А затем делают вывод о том, что «результаты этой деятельности по строительству гигантских городов восточнее Урала — с последующим переселением туда советских людей — и обусловили возникновение одной из самых больших проблем, с которыми сталкивается Россия сегодня». Тезис

о самых больших российских проблемах, проистекающих от больших сибирских городов, оставим на совести авторов книги. Но известно, что уровень жизни в этих городах выше, чем в среднем по стране.

Далее, как это свойственно авторам рецензируемой книги, следует категоричский неизвестно из чего вытекающий вывод: «Хотя и в царские времена допускались некоторые ошибки в планировании административных центров и городов, их масштабность не шла ни в какое сравнение с теми *монументальными* ошибками, которые сопровождали освоение Сибири при советском режиме» (Хилл и Гэдди 2007, 89). Проблемы с моногородами общеизвестны и признаваемы, но они создавались по всей стране, а не только в Сибири. Как раз в 1980-е гг. и начался переход к формированию территориально-производственных комплексов, объединяющих их на основе современных технологий и малоотходных производств с замкнутыми циклами производства и водопотребления. Здесь как раз тот случай, когда «не хватило времени». Ведь и на Западе проблема моногородов существует и сегодня, а ведь они, в отличие от нас, последние 20 лет развиваются в нормальном режиме.

Ф. Хилл и К. Гэдди подчеркивают, что «в Сибири не оказалось ни одного города или региона, который можно считать экономически самодостаточным» (Хилл и Гэдди 2007, 120). С какой стати и в каком смысле? Во-первых, никакая часть страны и не нуждается в своей самодостаточности. (Иначе зачем ей быть частью целого?) Во-вторых, даже в условиях сегодняшней «колониальной» налоговой политики такие регионы Сибири, как Тюменская, Новосибирская, Кемеровская, Красноярская, Якутская земли, демонстрируют свою эффективность.

Постоянно рассматриваются авторами перспективы формирования единого социального и рыночного пространства Зауралья. Перспективы эти нерадужные, и здесь я согласен с авторами. Несмотря на развитие транспортных коммуникаций и его совершенствование, сибиряки не летают друг к другу. Зато они активно летают в Центр и в зарубежные страны Дальнего Востока, куда им часто добраться легче, чем в Москву и в Сочи. Является ли это признаком кризисных явлений или ущербности жизни сибиряков? Думаю, что нет. Напротив, они по-современному мобильны, открыты всему миру и лишены комплексов провинциальности, свойственных жителям многих районов Центральной России. Зачем стране специальный зауральский общий рынок? Ведь это просто азиатская часть России, а не самостоятельная Сибирская республика.

Идея № 3: заселение Сибири происходило принудительным путем

В своем желании выстроить красивую и логичную доктрину, ее авторы часто искажают факты, фальсифицируя (или плохо зная?) историю освоения Сибири.

Чего стоит, например, такой пассаж: «Хотя Россия и установила свой суверенитет над Сибирью сравнительно давно, возраст какого-либо более или менее заметного поселения в Сибири фактически составляет всего лишь порядка столетия — дата основания 1890 г. Сибирь была лакомым куском, но дотянуться до него было трудно» (Хилл и Гэдди 2007, 92). Откуда взята именно эта дата, авторы «Сибирского бремени» не объясняют. Между тем хорошо известно (и не только историкам), что большая часть Сибири была пройдена русскими землепроходцами еще в XVII в. (три столетия назад!). Именно в это время создавались поселения, до сих пор являющиеся опорными пунктами урбанизационной сети региона. В частности, Иркутск, город у Байкала (т.е. в сердце Сибири), — не самый старый из сибирских поселений — в 2011 г. отметит свое 350-летие.

На с. 130 помещено другое противоречащее исторической действительности заявление: «Почти все крупные города Урала и Сибири изначально были городами ВПК —

статус, продиктовавший их удаленное местоположение. Эта удаленность, в свою очередь, способствовала, вероятно, и их «несвязанности». Все обстояло на самом деле с точностью «до наоборот». Города Сибири (за исключением Комсомольска-на-Амуре и Биробиджана) создавались изначально для выполнения административно-экономических функций, обусловленных историческим развитием государства, а уж затем в них в разной степени появились предприятия ВПК.

Особой оценки заслуживает пассаж Ф. Хилл и К. Гэдди, одним мазком описывающий все северные города: «Заселенный, индустриализированный Север — это прощальный дар ГУЛАГа современной России: ведь все эти города являлись либо бывшими трудовыми лагерями, либо конгломератами лагерей» (Хилл и Гэдди 2007, 150). Бывали ли авторы в северных городах и если бывали, то в каких, об этом не говорится. Но обобщение свое они ничем не подтверждают. Кстати, не следует забывать, что количество заключенных в Сибири и сейчас не меньше, чем в 1960–1980-е гг. А использование труда заключенных в современном Китае весьма масштабно и повседневно (никак не менее, чем в России), но никто не называет китайскую экономику — лагерной.

В первой главе «Масштабные ошибки» и в следующей «Размер имеет значение» указывается, что миграция в Сибирь была инспирирована и организована государством, а потому, по мнению авторов, оно и должно вывезти людей обратно. Между тем доказательства исключительно принудительного характера заселения Сибири у авторов книги не слишком веские. Действительно, в сталинскую эпоху Сибирь развивалась прежде всего (но отнюдь не исключительно!) за счет административного распределения рабочей силы. Однако в 1960–1980-е гг. уехать из Сибири было не сложнее, чем туда приехать. Причина многократных призывов в регион в том и состояла, что большинство вновь приехавших, подзаработав, возвращалось обратно. И за это не предусматривалось никакого наказания или ограничения.

В 1990–2000-е гг. естественное развитие отъездных процессов, происходящих за Уралом, демонстрируя наличие оттока населения на иные территории, вовсе не привело к тотальному исходу населения. А ведь прошло уже 20 лет, и большая часть населения Сибири, вступившая в активную деятельность в постсоветский период, продолжает жить и работать здесь же. Следовательно, для значительной части населения эта проблема вовсе не является актуальной, а организовывать насильственное выселение в никуда (хотя и более теплое) не представляется логичным с любой точки зрения.

Если же мы посмотрим на численность реально проживающих в Сибири людей, то в сравнении с советским периодом его сокращения практически не произошло. Взамен отъезжающих (как правило, не коренных сибиряков) приезжают рабочие из бывших советских республик и стран дальнего зарубежья. На мой взгляд, на территории Сибири сложилась устойчивая слабо негативная демографическая ситуация, никак не обусловленная насилием со стороны государственной власти, а определяемая свободными реально существующими социально-экономическими обстоятельствами, резко вмешиваться в которые нет резона. В Сибири происходит не сокращение населения, а изменение его структуры в сторону вымывания славянской компоненты. И для предотвращения развития неблагоприятного сценария правительству России неизбежно вновь придется проводить специальную политику в этом направлении.

На с. 119 Ф. Хилл и К. Гэдди в качестве доказательства своей концепции «краха индустриализации Сибири» указывают на сокращение роста численности населения региона уже в 1980-е гг. Это не так: на самом деле рост продолжался до 1992–1993 гг., и причина его прекращения — в развале СССР. Был разрушен народно-хозяйственный комплекс страны, потребность в продукции, производимой в Сибири стала сокращаться, поэтому началось сокращение числа рабочих мест. Люди уезжали из-за безработи-

цы, а не от холода и неустройства. К тому же образование новых независимых государств на руинах Союза привело к оттоку нероссийского населения на свою историческую родину. Это — объективные социально-политические процессы, а не свидетельство неуспеха сибирского проекта.

Ф. Хилл и К. Гэдди, увы, постоянно придерживаются известной стратегии: «главное не факты, а их интерпретация». Вот и в 9-й главе они пишут: «Как свидетельствуют аналитики, наиболее интенсивный всплеск миграции отмечался в 1992 г., непосредственно после развала Советского Союза. Хотя темп эмиграции и снижался из-за восстановления политических барьеров на пути миграции и хотя переселиться куда-нибудь в Российской Федерации становилось все сложнее, тот факт, что массовый исход подобного рода действительно произошел в начале 1990-х гг., был важным и своевременным сигналом со стороны рынка и свидетельствовал о том, что большая часть производства в этой части страны находится в упадке. Такой сигнал должен был быть, но не был замечен ни региональными, ни центральными властями» (*Хилл и Гэдди 2007, 200, 201*). Сигнал о чем? Всплеск выезда в этот период действительно был. Но он наблюдался не потому, что пала власть «злодейской» КПСС, и людям наконец-то позволили выехать, а потому, что встали заводы и фабрики, и работать стало негде. Какой рынок был в стране создан в начале 1990-х гг.? Какие политические барьеры против выезда из Сибири были созданы в 1990-е гг.? Кто сейчас, в 2000-е гг., противодействует выезду сибиряков? Просто оставшиеся научились жить в новых условиях, а после 1998 г. началось восстановление народного хозяйства и в теплых, и в холодных районах страны. И сейчас именно рыночные, в широком понимании этого слова, а не единственно политические процессы определяют темпы миграции и эмиграции в России.

Авторы «Сибирского бремени» заявляют: «Окончание эпохи советских субсидий было одним из главных факторов, послуживших причиной подобного исхода» (*Хилл и Гэдди 2007, 201*). Безусловно, дотации составляли один из важных механизмов управления народным хозяйством в Сибири и северных районах, но это была жизнеспособная модель. Она рассыпалась не от экономической несостоятельности и вполне подлежала реформированию (о чем свидетельствует, например, опыт Китая). Но в данном случае, речь не об этом, а о том, что события конца 1980 — начала 1990-х гг. представляли собой революционную социально-экономическую и политическую трансформацию. Была разрушена одна модель управления и корпоративного менеджмента, на смену ей пришла другая, но не сразу и не вдруг. Так как чудес в экономике не бывает, период между двумя социально-экономическими моделями всегда имеет катастрофический или депрессивный характер. И это никак не свидетельство невозможности эффективного хозяйствования в Сибири. Ведь аналогичная ситуация в той или иной мере наблюдалась и в теплых районах бывшего СССР, и в большинстве стран Восточной Европы. Субсидии есть механизм, используемый и в рыночной экономике, выдавать его за сущность советской экономической политики в Сибири — не корректно.

Местами Ф. Хилл и К. Гэдди порой демонстрируют просто удивительное незнание реалий современной России. В частности они пишут: «Если прежде рядового россиянина приходилось гнать в Сибирь посредством системы ГУЛАГа или побуждать идти туда с помощью тщательно обдуманых призывов, льгот и субсидий, теперь, когда принуждение прекратилось, идея о Сибири как о российской судьбе становится идеологией, навязываемой сверху. *Здравый смысл и трезвый экономический анализ отодвинуты на второй план, а мифологизация и идеологизация Сибири выдвинуты на первый*» (*Хилл и Гэдди 2007, 211*) [Курсив мой — Ю.З.]. Называть идеологией эпизодические высказывания руководителей страны — это значит выдавать муху за слона.

И вряд ли можно называть мифом печальную реальность существования России в основном за счет продажи ресурсов, расположенных в азиатской части страны.

Одним из естественных механизмов, поддерживающих эффективность рабочей силы в Сибири, является низкая продолжительность жизни ее населения. Количество пенсионеров в процентном отношении, в сравнении с другими районами страны, здесь минимально, а при правильно организованной политике их переселения в теплые регионы, заселение региона будет еще более эффективным. Перспективным представляется широкое развитие вахтового метода. Только людей следует завозить не из теплых регионов, а из сибирских крупных городов, ибо это гарантирует их эффективную адаптацию, а также, исходя из ограниченной продолжительности «вахты», и более высокую производительность труда.

Идея № 4: необходимо переместить жителей Сибири в более южные районы страны

Обосновав, как им кажется, утверждение об ошибочности присоединения, освоения и индустриализации Сибири, Ф. Хилл и К. Гэдди перешли к выдаче рекомендаций по «спасению ситуации».

В рассуждениях о том, куда бы выслать население и промышленность из Сибири, авторы однозначно рекомендуют теплые районы страны. Однако даже их анализ свидетельствует о том, что южные районы являются естественной житницей России, регионом с избыточными трудовыми ресурсами, сложной социально-экономической ситуацией, но не являются экономическими лидерами с высоким уровнем жизни (*Хилл и Гэдди 2007, 143*). Северный Кавказ — это дотационная территория, даже при уже имеющемся населении.

По мнению Ф. Хилл и К. Гэдди, «идея, что российские проблемы могут быть решены простым перемещением населения из наиболее отдаленных северных и дальневосточных поселений в другие места обширного Зауралья, — постулат российской государственной политики» (*Хилл и Гэдди 2007, 145*). Я могу допустить сверхвысокую информированность авторов о приоритетах и установках российского руководства, но сам о такой однозначности не слышал и сильно сомневаюсь в ее верности. В этом же абзаце сообщается, что «согласно определению, данному Северу Всемирным банком, которого придерживаемся в этой книге и мы, в 1989 г. на Севере проживало 6,7% российского населения. Хотя этот процент мал для территории такого размера, он в то же время чрезвычайно велик по сравнению с 1 процентом населения, проживающего в аналогичных регионах в западных странах, имеющих значительные северные территории». Ну, так у нас и процент этих территорий к общей площади страны, велик как нигде. Не лишне напомнить, что значительную долю северян составляют представители коренных народов, прекрасно себя там чувствующих и явно не рвущихся к возделыванию виноградников и пастьбе овец на горных кавказских пастбищах.

Справедливости ради, следует признать, что в результате либеральных экспериментов 1990-х гг. в северных городах действительно скопилось большое число пенсионеров, мечтающих покинуть эти районы. За помощью в решении этой проблемы правительство страны даже обращалось к зарубежным финансовым структурам. Но ведь это — как раз результат *разрушения* ранее действовавшей модели. Ведь в советские времена работники северных районов за период трудового стажа успевали приобрести комфортное жилье в теплых районах СССР, а не оказывались брошенными на «Северах». Ситуация с сибирскими пенсионерами — не ошибки советских руководителей, а, скорее, вина постсоветских. Да, Север для России — это не рыночный проект. Но не убыточный, а прибыльный! Если рассматривать его в период постсоветского кризиса,

то и сравнивать ситуацию следует не с теперешней процветающей Америкой, а с ней во времена Великой депрессии. Тогда эти временные проблемы вполне рационально объяснимы и вовсе не кажутся свидетельством краха многовековой политики российского государства.

После ужасных сцен и убийственных характеристик, данных авторами убийственному сибирскому климату, следовало бы ожидать, что местное население должно покидать эти районы при любом подходящем случае и на любых условиях. На самом же деле, как удивляются авторы книги: «Однако, как и в случае с Северным Кавказом, можно проследить отдельные эпизоды миграции, которые позволяют предположить, что в 1990-х гг. с Севера в южную часть России переехало не слишком много людей» (Хилл и Гэдди 2007, 151).

Ф. Хилл и К. Гэдди пытаются разобраться в ситуации по городам и констатируют, что Норильск, «находившийся в списке на сотой позиции в 1995 г., потерял около 3000 человек... Между тем другие города, дающие понижение коэффициента ТДН в России — Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и другие... — не уменьшились в размерах относительно общей численности городского населения России. Большинство аналитиков полагают, что российские мигранты в 1990-х гг. следовали тем же тенденциям, что и в других частях света, — переезжали из *морозного пояса* (в данном случае, пояса вечной мерзлоты) в *солнечный пояс*. На самом деле данные по ТДН указывают на несколько иное направление. Большинство российских мигрантов 1990-х гг. не доезжали до солнечного пояса. Вместо этого они переезжали из пояса вечной мерзлоты в *холодный пояс* — иначе говоря, из экстремально холодных мест в менее холодные места. Они переезжали в основном из отдаленных поселков и малых городов на Севере или на Дальнем Востоке в более крупные поселения, зачастую в том же самом регионе. Они также переезжали в города на Урале и в Западной Сибири...» (Хилл и Гэдди 2007, 152).

Увы, население Севера и Сибири ведет себя как-то иррационально и категорически не оправдывает надежд авторов на быструю стерилизацию Сибири от россиян. Они с сожалением констатируют, что «при современных темпах потребуется более ста лет на возврат российской ТДН на тот же уровень, на котором она была в 1926 г. — до начала советского вынужденного исхода из европейской части России на Урал и за его пределы» (Хилл и Гэдди 2007, 154). Постоянное повторение мантр типа: «Россияне продолжают желать мобильности, и миграция людей из регионов восточнее Урала как раз подтверждает предположение, что *их там изначально не должно было быть* [курсив мой — Ю.З.]» (Хилл и Гэдди 2007, 161), не меняет существующего положения дел.

Авторы постоянно ссылаются на работы разных авторов, но не цитируют их, что дает им возможность вольной интерпретации используемых текстов. Вместе с тем, это позволяет понимать эти заимствования как мысли, полностью разделяемые авторами. В том числе и такие: «Парадокс российской физической географии заключается в том, что ее гигантское территориальное пространство располагает к мобильности населения, в то время как российское правительство никак не желает его мобильности или желает, чтобы эта мобильность имела своей целью какой-то конкретный участок территории. Поэтому правительству приходится ограничивать мобильность» (Хилл и Гэдди 2007, 163). Как современное российское правительство, а тем более правительства 1990-х гг., ограничивали эту мобильность, не указывается. Самое главное, любое ответственное правительство (включая американское) проводит политику, содействующую рациональному размещению и передвижению населения как своего, так и эмигрантов.

Авторы непрерывно выписывают рецепты и предостережения. Так, в разделе «Первостепенность утверждения общенациональных интересов» ими без обиняков утверждается: «Российскому руководству надо быть искренними в вопросах будущего России и Сибири. Уменьшение параметров населенности Сибири отвечает национальным интересам России... Центру не следует выступать в качестве пристрастного сторонника реструктуризации Сибири. Важнее недвусмысленно показать, что будущее страны, а значит, и Сибири, зависит от сильной, единой и прочной России, чего невозможно достичь, если правительство будет постоянно закачивать ресурсы — в том числе и людские — из наиболее производительных районов в Сибирь» (Хилл и Гэдди 2007, 227). Приятно иметь дело с учеными людьми, знающими лучше нас наши национальные интересы. Но сдается, что их рецепты больше отвечают национальным интересам не России, а другой страны.

Далее по тексту книги выясняется, что авторы не ограничились самыми общими указаниями на необходимость переселять сибиряков в теплые края. Их предписания довольно детальны: «Эти программы должны помочь людям уехать из Сибири в европейскую часть России, а не просто переехать из наиболее захолустных поселений в более крупные города того же региона. К тому же они должны быть ориентированы на содействие переезду молодых и наиболее деятельных людей...» (Хилл и Гэдди 2007, 228). «В этом ключе российскому правительству стоит отказаться еще и от некоторых наиболее сомнительных методик выселения с обжитых мест и вывоза из Сибири и с Севера жителей преклонного возраста, потому что их содержание в Европейской России обойдется государству намного дороже. *Приоритет должен быть отдан переселению сибирской молодежи* [Курсив мой — Ю.З.]» (Хилл и Гэдди 2007, 239).

Ф. Хилл и К. Гэдди понимают последствия такой политики и констатируют, что умирающие селения, где живут пенсионеры, — обычное явление в постиндустриальных и сельских местностях повсюду в Европе. В России со временем это может стать характерной чертой многих административных центров и городов Сибири (Хилл и Гэдди 2007, 239). Получается, что следует превратить Сибирь в своего рода дом престарелых, оставив пожилых людей умирать в разрушающихся городах, брошенных молодежью, бизнесом и государством. А Сибирь — это не Европа, где расстояния меряются сотнями километров, здесь помощи можно и не дожидаться. Такие вот добрые и гуманные у нас нашлись советчики.

Неудобные реалии жизни постоянно мешают авторам столь великолепных концепций, среди них — факт миграции не только из Сибири, но и в Сибирь. Хорошо информированные авторы книги в поисках аргументов в пользу обезлюживания и деиндустриализации Сибири не могли не затронуть проблему эмиграции в регион из сопредельных стран. Они и здесь остались верны себе: «Однако маловероятно, что среднеазиатские рабочие доберутся и до российского Дальнего Востока в поисках работы. Скорее всего, эмиграция останется западносибирским феноменом» (Хилл и Гэдди 2007, 205). Однако добираются! Среднеазиатские и кавказские гастарбайтеры давно и прочно закрепились в Восточной Сибири и просачиваются даже на Дальний Восток. Это — объективный процесс, и поток среднеазиатских трудовых мигрантов в ближайшей перспективе не только не ослабеет, но вырастет, приобретая рациональные и стабильные формы и масштабы. В регион все меньше приезжает случайных («диких») представителей этого миграционного движения. Зато становится все больше квалифицированных строителей и водителей, организованных в коллективы, имеющих связи с работодателями и местной властью, со своими «осевшими» соплеменниками, образовавшими здесь культурно-национальные автономии. Это движение имеет другую форму и вид, нежели в США. Большинство из приезжих не стремятся осесть здесь

навсегда и усложнить условия жизни уже проживающим. Они приезжают на сезонные работы, т.е. трудятся вахтовым способом, который выгоден всем участникам процесса. По такой же модели регулируется и въезд китайских рабочих в Сибирь. Это — свидетельство эффективного приспособления рынка труда к реалиям сибирских условий, а отнюдь не признак деградации и разрушения.

Следовательно, процессы приезда в Сибирь значительной рабочей силы, не заинтересованной в своем поселении здесь, но обеспечивающей нормальное функционирование экономики региона, — весомый аргумент для развития этой части страны. Признавая этот факт, Ф. Хилл и К. Гэдди, тем не менее, пишут: «...Надо сосредоточить внимание на попытках создания новых выгодных отраслей промышленности, которые могли бы задействовать уже имеющуюся в наличии российскую рабочую силу за приличную зарплату, без принуждения — и, *скорее всего, не в Сибири*. К несчастью, Россия обманывает себя, стараясь сохранить ценность унаследованных от ГУЛАГа и СССР материальных активов» (Хилл и Гэдди 2007, 207). Увы, мы снова видим противоречие между более-менее объективным научным анализом и субъективным политически ангажированным выводом из него.

В разделе «Дилемма мобильности: сжатие» авторы книги пишут: «Острой проблемой являются огромные города, жители которых исчисляются несколькими сотнями тысяч или даже перевалили за миллион, — такие как Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и Иркутск. Все они — главные негативные вкладчики в ТДН. Как мы уже не раз говорили в этой книге, их следует уменьшить. Многим из их жителей следовало бы переехать в западную часть страны, чтобы облегчить бремя российской экономики» (Хилл и Гэдди 2007, 176). Действительно, авторы говорят об этом не раз, поэтому понимаешь, что именно крупные сибирские города раздражают авторов больше всего.

Авторы в разделе «Постоянство городов» констатируют на мировых и российских примерах факт устойчивости крупных городов (Хилл и Гэдди 2007, 181–183). Тем самым признается объективность и правомерность существования крупных сибирских городов. Но вывод вновь парадоксален с точки зрения здравого смысла, но логичен с точки зрения их политической ангажированности. Они пишут: «Те два факта, что крупные города не склонны сами по себе уменьшаться и что крупным советским городам никогда не позволялось уменьшаться или останавливаться в своем росте даже тогда, когда это было нужно, — неблагоприятны для современной России, которой желательно уменьшить в размерах некоторые крупные города, чтобы отвечать тенденциям глобальной экономики» (Хилл и Гэдди 2007, 183). Тенденция роста и появления крупных городов, существующая в других странах, по мнению авторов, не должна действовать на территории Сибири, но, как это не прискорбно, она действует. Поэтому, несмотря на все попытки обосновать свою идею о сокращении численности населения больших сибирских городов, последовало тяжелое признание авторов: «Итак, хотя мы и выступаем за уменьшение городов, это, скорее всего, будет для России почти неразрешимой задачей» (Хилл и Гэдди 2007, 191).

Казалось бы, вопрос закрыт. Но уже на следующей странице Ф. Хилл и К. Гэдди пишут: «Если не будет признана необходимость уменьшения размеров городов на востоке, соблазн продолжать рассматривать Сибирь как основу экономического развития России только усилится. Это худший сценарий развития. Несмотря на очевидную нехватку финансовых и людских ресурсов для большинства намеченных планов, государство продолжает политику возврата к освоению и заселению Сибири и Дальнего Востока. Такая деятельность обрекает страну на повторный цикл нерационального использования ресурсов» (Хилл и Гэдди 2007, 192). А авторы книги обрекают читателя на повторяющиеся циклы не очень научно обоснованных утверждений.

Идея № 5: «канадизация» или «ООНизация» Сибири как перспектива ее развития

Казалось бы, необходимость контроля своей территории для государства является аксиомой, но для России и это не так. «В эпоху царизма, в советский и постсоветский периоды истории России главным приоритетом любого российского правительства оставался контроль над территорией и населением, а не максимизация свободы и благоденствия людей (и даже не экономическое развитие государства). Разговор о контроле государства над территорией и населением в этом контексте касается стремления государства установить контроль над жизнью граждан и предопределить за них, *что* им надлежит делать и *где* проживать в пределах территории, а не стремления государства защитить себя от внешней агрессии» (Хилл и Гэдди 2007, 124). Соглашаясь с оценкой намерений российских и советских властей по созданию системы тотального контроля (как будто есть власти, которые к этому не стремятся), трудно принять приписываемое им нежелание экономического развития страны и эффективной защиты ее от внешней агрессии. Последняя (вполне исторически обоснованная) фобия до сих пор в значительной степени определяет политику российского руководства и мнения ее граждан.

Итак, «зачищать» Сибирь нужно, но добровольно сибиряки не уедут. Тупик? Нет проблем, ибо у авторов и на этот случай есть отличный совет. Восьмая глава в своем названии ставит вопрос в виде программы действий — «Можно ли «сжаться», сохранив территорию?» И в первом же абзаце конкретизирует задачу-условие, выставляемое «миссионерами дикарям», счастья своего не понимающим. «Если уж Россия стремится стать управляемой и экономически жизнеспособной, ей надо «сжать» себя в ранее предложенном нами смысле — *не путем отказа от земель, а путем пространственной реорганизации своей экономики*» (Хилл и Гэдди 2007, 162). Дозволяемое авторами сохранение у нас наших земель — это ничего не значащий фиговый листок. Ведь брошенные земли тут же становятся ничьими и обретают новых хозяев. В данном случае уместно вспомнить высказывание Сталина о том, что города без жителей никто не защищает. В качестве примера можно вспомнить, например, попытку Аргентины отобрать у Великобритании почти незаселенные Фолклендские острова.

Авторы книги считают, что «Канада может стать подходящей моделью для России по части экономических взаимоотношений с Сибирью» (Хилл и Гэдди 2007, 232). С этим трудно полностью согласиться по ряду обстоятельств — прежде всего, из-за реальности аннексии этой части страны, что не угрожает Канаде.

На заключительных страницах основной части книги авторы признают обоснованность опасений России по поводу ее территориальной целостности на Востоке. Но тут же предлагают «блестящее» решение этой проблемы: «Некоторые исследователи полагают, что частью этого подхода могло бы стать присвоение Сибири статуса всемирного наследия и особо охраняемой Организацией Объединенных Наций (или другой организацией) территории. Подобный статус, конечно, предусматривал бы поднадзорность этой уникальной экономической зоны и всех ее ресурсов исключительно Российской Федерации» (Хилл и Гэдди 2007, 237). Лишиться права собственности, получив вместо него право надзирать, — какая-то мало вдохновляющая перспектива.

Далее они предупреждают: «Энергетический бум на Сахалине, конечно, не должен привести к активизации попыток российского правительства по заселению Дальнего Востока или даже по остановке миграции с острова, главным образом из-за того, что энергетические отрасли промышленности отдадут большее предпочтение привлечению высококвалифицированных работников на основе вахтового метода. Потребу-

ется несколько лет, чтобы стало возможным нанимать большое количество местных работников на подсобное обслуживание нефтяной и газовой отраслей промышленности» (Хилл и Гэдди 2007, 235). Какие-то уж больно нетерпеливые авторы: с их точки зрения, ждать несколько лет невыносимо, следует немедленно выселить (а потом — заселять обратно?).

В Заключении Ф. Хилл и К. Гэдди дают совет, под которым подпишется любой федеральный чиновник: «Под этими действиями подразумевается всероссийская политика, направленная на ослабление контроля, который региональные лидеры и олигархи имеют при принятии политических и экономических решений по Сибири и Северу» (Хилл и Гэдди 2007, 238). Необходимо, значит, лишить население региона и его лидеров права голоса при принятии решений, определяющих их жизнь. Странно, что этот совет дают представители демократической страны. Пожалуй, в процессе изучения авторитарной России они сами изрядно научились мыслить в логике «управленческой вертикали».

Попутно авторы «Сибирского бремени» выдают индульгенцию на дискриминацию населения Сибири. Они пишут: «В то время как другие правительства могут отдавать предпочтение или иметь в этом плане политические обязательства по оказанию поддержки издревле заселенным, но отсталым регионам своих стран (как Северная Италия массированно субсидирует Южную Италию), Россия вовсе не обязана этого делать. Сибирь — не тот регион, который был обжит столетия тому назад: до революции его коренные жители были малочисленны, и он был заселен и освоен в XX столетии» (Хилл и Гэдди 2007, 240). Итак, у России нет никаких обязательств перед сибиряками, которые уже четыре столетия живут в регионе. Перед нами пример редкого гуманизма в рассуждениях американских экономистов. Ох, опасно изучать этих русских, у которых благая цель оправдывает неблагие средства... Начнешь их критиковать, а в результате сам научишься тому же.

* * *

Таким образом, многократные высказывания Ф. Хилл и К. Гэдди об их искренней заботе о благополучии России представляются мне сомнительными и даже, можно сказать, иезуитскими. Сибирский проект — это глобальный проект для России XXI в. Пока Россия в силах его реализовать, он будет происходить под ее управлением и для ее пользы. Если Россия будет не в состоянии им заниматься, то ее соседи — Китай, Япония, США и Южная Корея — возьмут с великим удовольствием это «тяжкое и невыносимое» бремя на себя.

Скрупулезный анализ современных сибирских проблем произведен авторами для обоснования центрального умозаключения: «Очевидный и наиболее важный вывод таков: России нельзя двигаться своим теперешним курсом, особенно делая упор на повторное освоение Сибири» (Хилл и Гэдди 2007, 222). Руководство нашей страны определенно не согласилось с этим выводом — в одном из своих выступлений В.В. Путин недавно поставил на повестку дня, совсем наоборот, задачу реиндустриализации Сибири.

«Сибирское бремя», по мнению рецензента, следует оценивать как труд русологов (пост-советологов), а не политологов, политэкономов или политгеографов. Это мнение есть результат осознания того, что данная книга писалась не на основании объективного анализа фактов; наоборот, отбор фактов осуществлялся под определенную политическую концепцию. А так как научность не позволяла достичь поставленного результата, то она была во многом заменена на наукообразность. Безусловно, все по-

ставленные в работе проблемы имеют место быть и актуальны для современной России; в постановке этих проблем есть объективная полезность книги для российского читателя. Однако рецепты, даваемые авторами, ведут не к решению этих проблем, а к их усугублению.

ЛИТЕРАТУРА

Хилл Ф. и Гэдди К. (2007). Сибирское бремя. Присчеты советского планирования и будущее России. Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям.